

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА»

Ольга Владимировна ШЕВЦОВА

Кандидат филологических наук, доцент

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

“СУБЪЕКТИВ БАҲОЛАНИШ” ҲОСИЛАЛАРИ ФАОЛИЯТИНИНГ БАЪЗИ ХУСУСИЯТЛАРИ

Ольга Владимировна ШЕВЦОВА

Филология фанлари номзоди, доцент

Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети

Тошкент, Ўзбекистон

THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE DERIVATIVES OF WORD-FORMATION CATEGORY "SUBJECTIVE EVALUATION"

Olga Vladimirovna SHEVTSOVA

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan shevczova-1968@list.ru

УДК 81'373.611: 811.161.1'06

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования): Шевцова О.В.

Некоторые особенности функционирования производных словообразовательной категории «субъективная оценка»// Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2021. — № 6 (41). — С. 31-46.

<https://doi.org/10.36078/1643271008>

Received: October 12, 2021

Accepted: December 17, 2021

Published: December 20, 2021

Copyright © 2021 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. В статье рассматривается функционирование производного слова со значением «количество» в тексте или микротексте, что отражает разные стороны и аспекты организации семантики производного. Целью данной работы является описание языковой интерпретации понятийной категории количества словообразовательными средствами в современном русском языке посредством синтагматических (текстовых) реализаций. Производное слово рассматривается как средство постоянного производства и воспроизводства лексических единиц, выражающих те или иные типы словообразовательные значения, в разговорной речи и письменных текстах, как и слово вообще, реализуя свои подлинные, реальные свойства. Вследствие этого происходит постоянное взаимодействие словообразовательного значения с другими компонентами лексического значения слова и текста, в результате чего семантика производного слова характеризуется подвижностью, изменчивостью.

Единицей анализа на парадигматическом уровне является словообразовательная категория, а на синтагматическом уровне — микротекст, то есть такой отрезок текста, в котором с достаточной полнотой выявляется комплексная семантика производного слова, включая и словообразовательные значения, коннотации, семантическое и словообразовательное согласование и реже рассогласование. Значимым представляется изучение разнообразных функций производных слов в текстах, в реальных ситуациях общения и прагматического использования системы организации словообразовательных значений, а также выявление роли количественных сем в организации содержательного аспекта

русского словообразования.

Ключевые слова: внутрисловный контекст; деминутив; дериват; знак оценки; значение степеней оценки; значение субъективной оценки; значение увеличительности.

Аннотация. Мақолада матн ёки микроматндаги “миқдор” маъносини билдирувчи ҳосила сўзнинг амалда қўлланилиши кўриб чиқилди, бу эса ҳосила семантикасини ташкил этишининг турли томонлари ва жиҳатларини ақс эттиради. Ушбу ишнинг мақсади замонавий рус тилида сўз ясалиш воситалари билан миқдорнинг концептуал категорияси лингвистик талқинини синтагматик (матн) амалга ошириш орқали тасвирлашдан иборат. Ҳосила сўз сўзлашув нутқи ва ёзма матнларда сўз ясалиш маъноларининг айрим турларини ифодаловчи лексик бирликларни ҳамда умуман сўзни ўзининг ҳақиқий, реал хусусиятларини ақс эттирувчи доимий ишлаб чиқариш ва кўпайтириш воситаси сифатида қаралади. Натижада сўз ясалиш маъноларининг сўз ва матн лексик маъносининг бошқа компонентлари билан доимий ўзаро алоқаси вужудга келади, ҳосила сўзнинг семантикаси унинг ҳаракатчанлиги, ўзгарувчанлиги билан характерланади. Парадигматик даражадаги таҳлил бирлиги сўз ясалиш категорияси ҳисобланади, синтагматик даражада эса микроматн, яъни ҳосила сўзнинг комплекс семантикаси сўз шаклланиши маънолари, коннотациялар, семантик ва сўз ясалишининг мослиги ва камроқ ҳолларда мос келмаслиги каби етарли тўлиқлик билан аниқланган матн қисмидир. Матнлардаги ҳосила сўзларнинг турли функцияларини, реал вазиятларда сўз ясалиши маъноларини ташкил этиш тизимидан прагматик фойдаланишни ўрганиш, шунингдек, русча сўз ясалишининг мазмун жиҳатини ташкил этишда миқдорий семаларнинг ролини аниқлаш муҳим аҳамиятга эга.

Калит сўзлар: сўз ичидаги контекст; деминутив; ҳосила; баҳолаш белгиси; баҳолаш даражалари киймати; субъектив баҳолаш киймати; катталаштириш.

Abstract. The article examines the functioning of a derivative word with the meaning of "quantity" in the text or micro text, which reflects different sides and aspects of the organization of the semantics of the derivative. The purpose of this work is to describe the linguistic interpretation of the conceptual category of quantity by word-formation means in the modern Russian language through syntagmatic (text) implementations. A derivative word is considered as a means of constant production and reproduction of lexical units expressing certain types of word-formation meanings in colloquial speech and written texts, like the word in general, realizing its true, real properties. As a result, there is a constant interaction of word-formation meanings with other components of the lexical meaning of the word and text, as a result of which the semantics of the derived word is characterized by mobility and variability. The unit of analysis at the paradigmatic level is the word-formation category, and at the syntagmatic level - the micro text, that is, such a segment of the text in which the complex semantics of the derived word is revealed with sufficient completeness, including word-formation meanings, connotations, semantic and word-formation agreement, and less often mismatch.

It is significant to study the various functions of derivative words in texts, in real situations of communication and the pragmatic use of the system of organizing word-formation meanings, as well as identifying the role of quantitative semes in organizing the content aspect of

Russian word-formation.

Keywords: intraverbal context; diminutive; derivative; evaluation sign; the value of evaluation degrees; value of subjective evaluation; magnification value.

Введение. Степень изученности проблемы. Вполне закономерно, что категория количества с древних времён находится в поле зрения философов, логиков, математиков.

В собственно лингвистическом плане категория количества исследовалась очень активно и с разных сторон: и как одна из функционально-семантических категорий, и в общем аспекте организации понятийных категорий, и со стороны плана содержания данной категории [см. Химик (17); Полянский (11); Гухман (3) и мн. др.].

Ряд работ посвящён соотношению категорий качества и количества [см. Шляхтенко (20); Ильин (7); Тимофеев (13); Ефимов (5)].

Отражению категории количества в разных языках (чаще в сопоставительном аспекте) посвящены работы Н. С. Чиркинян, С. А. Швачко и др. [см. Чиркинян (18); Швачко (19)].

Исследования данного направления в определённой мере обобщаются в коллективной монографии «Категория количества в современных европейских языках» (8).

Некоторые работы ориентированы на разные части речи, имена или глаголы [см., например, Дегтярёв 1982 (4)].

К настоящему моменту более глубоко исследованы лексические, морфологические и синтаксические средства выражения количественных отношений, связанные прежде всего с денотативными компонентами значений. Словообразовательный способ выражения количества пока исследован явно недостаточно, возможно, именно потому, что он представляет собой тот участок языковой системы, на котором объективно-размерные отношения легко переходят в качественно-оценочные, связанные с языковой прагматикой.

В частности, словообразовательный аспект в связи с понятием оценки как ценностного момента значения, шкалы оценок и соотношением субъективных и объективных факторов в оценке затронут в монографии Е. М. Вольф «Функциональная семантика оценки» (2), однако всё же в подчинении лексическому аспекту.

Субъективно-оценочному аспекту словообразования посвящён ряд работ В. В. Лопатина, В. Н. Виноградовой, Е. А. Земской [см. Лопатин (10); Виноградова (1); Земская (6)], но данный аспект как бы оторван от выражения объективных количественных отношений.

Попытка системного анализа отражения в производных словах дерева квантитативных значений (наряду с темпоральными и локативными значениями) предпринята П. А. Соболевой в монографии «Словообразовательная полисемия и омонимия», однако материал исследования ограничен способами глагольного действия (12, 230–260).

В определённой мере рассмотрено отражение понятийной категории «количество» в системе словообразования русского языка в кандидатских диссертациях М. И. Халиковой и Г. Т. Урисбаевой соответственно на материале глаголов и имён [см. Халикова (16); Урисбаева (15)].

Количественные отношения входят в разряд фундаментальных, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную действительность; в то же время вопрос об описании категории количества

в полном объёме и отражении её на разных языковых уровнях, в том числе и словообразовательном, не ставился в лингвистике.

Можно считать, что в основном исследован *парадигматический* аспект словообразования, однако в современной лингвистике, по мнению О. М. Ким, «подлинным героем стала семантика синтагматическая, которая предполагает описание языка в типизированных функциях его категорий и единиц с учётом механизма вторичного семиозиса и взаимопереходности семантических категорий в процессе коммуникации» (9, 7).

Однако, с нашей точки зрения, *функционально-семантические* исследования по сути неотделимы от *коммуникативно-прагматических*, хотя каждый подход имеет свою специфику как одна из сторон изучения языка в действии, в конкретных ситуациях общения, во всём многообразии текстовых реализаций. Разумеется, ни одно конкретное исследование не может охватить функционирование языка в его целостности, неизбежно ограничение определённым участком реализации языкового устройства.

Основная часть. Функционирование производных со значением «субъективная оценка», начиная с работ А. А. Потебни, рассматривалось многократно, в том числе Е. А. Земской, В. Н. Виноградовой, В. В. Лопатиным.

Тем не менее прагматическое использование этой межчастеречной категории в разговорной речи, периодике, художественной литературе столь многообразно, что есть основания рассмотреть некоторые моменты функционирования «уменьшительных» и «увеличительных» имён существительных, имён прилагательных, наречий и т.д.

Прежде всего необходимо отметить эффект «расширения» словообразовательной категории (СК) за счёт подключения нестандартных производящих основ, например:

Они работали по хозяйству на *посылушках*₂ и краску тёрли, и крыши красили (В. Гиляровский);

Сегоднячко (название телепередачи); *кукырлик-зверик* (из телепередачи).

В последнем примере необходимость дать наименование маленькой игрушке неопределённого вида вызывает и образование *зверик* (в «Словообразовательном словаре» зафиксированы *зверёк*, *зверок*, *зверюшка*, *зверушка* — см. т. I, (14, 151)), и появление деривата от несуществующей реально производящей основы.

СК субъективной оценки как бы проецируется в определённых случаях, например, при общении с маленькими детьми, на глаголы, например: *подрастунюшки*, *потягунюшки*, роток *говорюнюшки*, руки *хватунюшки*, ноги *ходунюшки*;

Потягуни-*потягушечки* от носочков до *макушечки*; Давай *кушаньки-кушунюшки* и т.д.

Таким образом, в определённой мере преодолевается словообразовательный и грамматический контраст имён и глаголов, так как образованная форма явно процессуальной семантики и в предикативной позиции напоминает существительные *pluralia tantum*.

Более того, всё увеличивается число деминутивов от незначительных слов:

спасибочки, *спасибичце*;

Я *ничегошеньки* не знаю (РР);

Обычная лестничная клетка, в подвал — *нетушки*, подвалы мне решительно перестали нравиться (И. Хмелевская);

Я только-*толечко* пришла (РР);

А кому в город ехать? Мне, *чтоличко*? (А. Алдан-Семёнов).

Прагматические установки подобных образований чрезвычайно разнообразны: это и экспрессия ласки по отношению к собеседнику, и выражение иронии, и выражение категорического отказа, иногда — просто реализация стремления к экспрессивной, нестандартной форме выражения.

Примечательно, что для выполнения, реализации этих установок потребовалось расширение и без того богатой в частеречном составе словообразовательной категории.

Деминутивы-существительные весьма частотно употребляются с прилагательными-квантификаторами *маленький, мелкий, крохотный* и под., причём в ряде случаев такие сочетания подчёркивают реальную размерность, выделение из класса однородных предметов по типу «ниже нормы». Чаще, таким образом, подчёркивается размерность неодушевлённых предметов или животных, например:

Старичок с деревянной ногой вносит *маленький самоварчик* из красной меди (А. П. Чехов);

С орнаментом, *толстенное* кольцо на левой руке выглядело как *маленькая мембранка* у глухонемых (И. Хмелевская);

Птичка сама по себе *махонькая*, так с *рябчонок*, а ноги во-о какие, а нос во какой! (В. Гиляровский).

Показательно, что в двух последних примерах как бы устанавливается масштаб определения размера (и его оценки) через другие денотаты, предметы других классов (*толстенное* кольцо, *рябчонок*, ноги, нос в сочетании со своеобразными местоимёнными квантификаторами).

Однако гораздо чаще даже по отношению к неодушевлённым предметам обозначение реальной размерности сочетается с дополнительными коннотациями (метафоры, олицетворения и т.д.), служащими для создания художественного образа, например:

Маленькая крытая *платформочка*, задавленная окружающим лесом и ежеминутно пугаемая громыхающими поездами, робко прижималась к земле ... Сейчас поезд унесёт меня отсюда, и навеки исчезнет для меня эта *низенькая* и тёмная *платформочка*, и только в воспоминаниях увижу я милую девушку (Л. Андреев).

Значение незначительного размера подчёркивается также деминутивом *низенькая*, но не обозначение размера является прагматической установкой автора: по отношению к платформе употребляются определения *задавленная, пугаемая*, то есть, по сути, описывается состояние души героя.

По отношению к лицам сочетание с прилагательным *маленький* также может обозначать невысокий рост, например, у ребёнка: *Маленький человечек* благосклонно смотрел на вороного жеребца (И. А. Бунин).

(Подобный эффект «чистой размерности» может достигаться употреблением деминутива рядом со своим производящим, например: Вся мебель — красного дерева с бронзой ... стол красного дерева с разными *ящичками* и *ящичками* (В. Гиляровский)).

Однако гораздо чаще квантитативная оценка сочетается с квалификативной, отрицательной или (реже) положительной, например:

Этим благодетелем оказался *маленький пузатый гимназистик* (А. П. Чехов);

Александр Иванович указал на *маленького*, сгорбленного *старичка* (А. П. Чехов);

В приёмную входит *маленькая* ..., как бы злым роком *приплюснутая*, *старушонка* (А. П. Чехов);

Оля — *маленькая*, стройная, *хорошенькая* *блондиночка* лет девятнадцати (А. П. Чехов);

Высокий и тощий Везувиев расписывался, а Черносвитский, *маленький*, *рябенький* *человечек*, дожидался своей очереди (А. П. Чехов);

Там за письменным столом сидела его жена Ольга Алексеевна, *маленькая* *блондиночка*, с папильотками в волосах (А. П. Чехов);

Она — *маленькое*, *хорошенькое* *созданыще* с льяными кудрями и быстрыми, лукавыми *глазками*, сидела рядом с ним ... (А. П. Чехов).

По отношению к неодушевлённым предметам, например, помещениям, употребление слова *маленький* обычно является знаком «ниже нормы» по всем параметрам: Цирюльня *маленькая*, *узенькая*, *поганенькая* (А. П. Чехов).

По отношению к лицу указание на рост меньше нормы может подкрепляться весьма своеобразными текстовыми квантификаторами:

По опушке леса крадёт *маленький* *сутуловатый* *мужичонок*, ростом в полтора аршина, в *огромнейших* серо-коричневых сапогах ... (А. П. Чехов).

Помимо прямого иронического указания на рост, его несоответствие норме подчёркивается прилагательным *сутуловатый* (впечатление зрительного уменьшения роста) и контрастом с размером обуви, в результате чего создаётся общее впечатление не только маленького роста, а общей незначительности, неприглядности внешности человека. Таким образом, часто взаимодействуют и сливаются квантитативные и квалификативные оценочные семы.

В данном случае впечатление незначительности ещё больше усиливается выбором деминутива *мужичонок*, наталкивающего на сравнение с незрелым существом (ср. *мужичок*, *мужичонка*).

Эффект перехода признака роста в определённое качество может открыто мотивироваться микроконтекстом, например:

Сам Петров был *низенького* роста, *немного* сутулый, так что его принимали за *горбатого* ... , и когда они забывали его фамилию, то называли его просто «*горбатенький*» (Л. Андреев).

В. В. Лопатин считает прилагательное *маленький* утратившим субъективно-оценочную экспрессию вследствие лексикализации [см. Лопатин 1987 (10, 152)], однако, на наш взгляд, следы этой экспрессии сохранились (ср. с прилагательными *малый*, *невысокий*), и в приведённых выше сочетаниях можно констатировать подобие экспрессивно-смыслового согласования, выделенного А. А. Потемной (ср. *глупенькая* *головка*, *миленькая* *душечка*, *плохонький* *рассказец*, *слабенький* *ветерок*, *худенький* *старикашка* и под.).

То же можно утверждать и о прилагательном *хорошенький*, частично отделившимся от основы *хорош-* (кроме краткой нормы — Он *хорош* собой) и соотносимым семантически с прилагательным *красивый*.

На наш взгляд, в сочетаниях *хорошенькая* *вдовушка*, *хорошенькое* *созданыще*, *хорошенькая* *брюнеточка* (*блондиночка*) и под. также наблюдается экспрессивно-смысловое согласование, так как у автора есть возможность выбора прилагательного (ср. *красивый*, *миловидный*, *привлекательный*, *прелестный* и под.).

В. В. Лопатин справедливо утверждает, что «словообразовательное «согласование» проявляется более разнообразно, чем обычное для

прилагательных морфологическое согласование. Это далеко не всегда согласование прилагательного с тем существительным, которое им синтаксически определяется ... В отличие от регулярного, обязательного согласования ... данное согласование (в словообразовательных формах) факультативно ... Так, сочетание *голубенькое платице* возможно в той же мере, в какой возможны *голубое платице* и *голубенькое платье* ... *ударчик слабенький*, но и удар *слабенький*, и *ударчик* слабый ... — сочетания, выражающие одно и то же содержание и различающиеся лишь степенью экспрессии. Это вообще характерный признак прагматической сферы языка — возможность выбора для говорящего: употребить или не употребить то или иное средство» [см. Лопатин 1987 (10, 149-150)].

Однако обследованный нами материал показывает, что такое согласование гораздо чаще осуществляется, чем не осуществляется, хотя у говорящих или пишущих действительно есть возможность выбора: сочетать «неуменьшенные формы», два деминутива и т.д., привлечь другие средства экспрессии.

Так, для А. П. Чехова обычными являются сочетания

- *маленький попик; маленький, седенький попик;*
- *маленький, толстенький человек; маленький, рыженький человек;*
- *маленький солдатик; маленькая кушеточка; маленькая повестушка;*
- *маленькое, хорошенькое, капризное личико*
- *жиденькая бородка;*
- *паршивенький водевильчик;*
- *хорошенькая мордочка* (о женщине);
- *довольно-таки скверенькая струнка;*
- *наши пьяненькие глазки;*
- *человек* в заячьей *шубёнке* и др.

Таким образом, наблюдается не только бинарное «словообразовательное» согласование имён существительных и имён прилагательных, но выстраивание целых согласовательных цепочек.

Характерным для этого автора является явление пронизывания деминутивными образованиями всего микроконтекста, например:

Пришёл доктор, Иван Адольфович, *маленький человек*, весь состоящий из *очень большой* лысины, глупых свиных *глазок* и круглого *животика*;

Вокруг коричневой шеи *старичка* обвивалась *хорошенькая ручка* Гришиной невесты;

Мы оглянулись и увидели *маленького человека* с менторской *улыбочкой* на губах;

Маленькое, хорошенькое личико собралась заплакать.

Глазки, бедные голубые *глазки*, усиленно мигали и *подёргивались* влагой. *Губки* сжимались от злости и досады.

Такое «нагнетание» деминутивов может использоваться с двоякой целью: и для выражения реальной размерности, и для выражения отношения к описываемому лицу. Так, в первом из приведённых предложений обозначен и карикатурно маленький рост человека (на фоне контрастного и гиперболического описания — весь состоящий из *большой лысины* ...), и отрицательная психологическая характеристика лица (через сочетание *глупые свиные глазки*).

В последнем же из приведённых предложений преобладает чисто экспрессивная, положительная, сочувственная, но не без доли иронии, характеристика лица.

Такое же насыщение текста деминутивами, часто наряду с другими средствами квантификации, характерно и для М. Зощенко, например:

Жених — вообще такой *престарелый господинчик* ... А рядом с ним — невеста. Такая, представьте себе, *молоденькая девочка* ... Такой, буквально, *птенчик*, лет, может девятнадцати. *Глазёнки* у неё напуганные, *голосок* дрожит ...; Такая *белобрысенькая*. Но такая удивительно *миленькая душечка*. *Тоненькая*, как мечта поэтов.

Именно деминутивы в сочетании с другими квантификаторами (*престарелый, буквально, такая, удивительно*) оказываются и средством передачи экспрессивного контраста по возрасту жениха и невесты в первом предложении, и средством передачи крайней степени восхищения героиней — во втором, причём этому не препятствует образование деминутива *белобрысенькая* от основы, выражающей чаще неодобрительное отношение к внешности.

Следует подчеркнуть, что выбор знака оценки, даже при одном или близком наборе лексики, полностью ситуативен, иногда достаточно одного слова, чтобы предполагаемая положительная оценка трансформировалась в отрицательную, например:

На её *щёчках* заиграли красные *пятнышки*, *глазки* надулись, и по кошачьему *личику* потекли слёзы (А. П. Чехов).

В этом предложении таким словом является прилагательное *кошачий*, и сравнение человеческого лица с *мордочкой* животного снижает характеристику внешности и характера человека.

Передким является использование одного из согласуемых деминутивов в переносном значении, например:

Теперь он *червячком* глядит, *убогеньким*, а прежде что было! (А. П. Чехов);

Мой покойный папаша сильно угнетал одного *маленького чиновничка* (А. П. Чехов);

А я — молчок, потому что *маленький, серенький* (А. П. Чехов);

наблюдается также сопоставление деминутивов из совершенно разных семантических полей, например:

А вот *волосики* всё равно что ворох сена на скудной *землице!* (И. Хмелевская).

Оттенки, выражаемые сочетаниями деминутивов, поистине бесчисленны, например, в следующем предложении выражено глубокое уважение, несмотря на уменьшительно-ласкательную «форму» денотата:

— *Хлебушко чёрненький* — труженику первое питание, — говорил Иван Филиппов (В. Гиляровский).

Однако в целом оценка «минус» в употреблении деминутивов преобладает над оценкой «плюс», особенно при образовании от абстрактных существительных:

маленькая идейка, менторская улыбочка; хочется чего-то *простенького*, но с *уваженьицем* (периодика).

Возможно, поэтому образование и употребление увеличительных образований (формально «отрицательной» части оценочной шкалы) значительно уступает использованию деминутивов: отрицательную оценку, причём с оттенком иронии, сарказма и т.д. всегда можно выразить и через деминутивы, например:

Соль оригинала заменялась *сальцем*, и пьеса готова (В. Гиляровский).

Возможно, конечно, и более невинное использование данной СК, однако опять-таки с превышением семантического потенциала, заложенного в СЗ, например:

Из старого одеяла, тряпок, парика и ночной рубахи мы изготовили куклу. Получилась просто *куколка!* (И. Хмелевская)

Если в предыдущем предложении используется частичное созвучие *соль* — *сальце* с переключением переносных значений (сущность — грязь), то во втором как будто сопоставлены производящее и производное.

Однако производное *куколка* символизирует не количественный сдвиг (речь идёт о кукле в человеческий рост): таким образом, налицо своеобразный «переход малого количества в качество».

Деминутивы могут также стать своеобразным средством выражения самоиронии, например: Я сдерживала *характерец* и мурлыкала медовым *голоском* (И. Хмелевская).

И здесь существительные-деминутивы выражают явно отрицательную оценку (в данном случае самооценку), причём с ними семантически коррелирует глагол *мурлыкать* и прилагательное *медовый*.

Интересным явлением представляется субстантивация прилагательных-деминутивов; в разговорной речи она распространена как выражение доброжелательного отношения или экспрессии ласки в общепринятых формулах общения:

новенький, новенькая, мой старшенький, младшенький.

Однако при окказиональной субстантивации оценка обычно бывает отрицательной, например:

— А что с этим твоим ... *бывшеньким?* (И. Хмелевская);

Дугливенький, получающий деньги за высокого парня, и *пугливенький* в «Мариотте» — прямо-таки разные люди (И. Хмелевская).

Наречия-деминутивы могут выражать смягчённую оценку действия, в частности, это очень характерно для писем А. П. Чехова:

- Ваша рецензия меня *немножко* удивила;
- Вы *немножко* ошиблись;
- К тому же, когда у меня есть деньги, я чувствую себя как на облаках, *немножко* пьяно ... В письмах присылайте мне *понемножку* марок ...;
- Медицина моя подвигается *помаленьку*;
- Практика наклёвывается *помаленьку*;
- Наверное, *потихоньку* ты стала уже *пописывать* повести и романы ...

В последнем примере наблюдается семантическое согласование наречия *потихоньку* и глагола смягчительного способа действия *пописывать*.

Однако приведённые наречия представляют собой деминутивы-квантификаторы, при образовании деминутивов от качественных наречий более обычной является иронически-отрицательная оценка, например:

Сразу после завтрака исчезла *поспешенько* (И. Хмелевская);

Вскоре загребли братию вместе с товаром, а на другой день они *благополученько* цвели на свободе (И. Хмелевская);

Поцеловав дочь ещё раз и *сладенько* улыбнувшись бомонду, он строго нахмурил брови и круто повернулся (А. П. Чехов).

В последнем примере эффект иронически-отрицательной оценки подчёркивается вовлечением наречия-деминутива в лексический контраст

первой части предложения, деепричастного оборота, со второй, основной частью: поцеловав, *сладенько*, улыбнувшись, бомонду / строго, нахмурил, круто.

Не исключён, разумеется, и эффект положительной оценки, выражаемой через качественное наречие-деминутив, например:

Ем и слышу, как лес шумит и *пташка* кричит ... и так сладко и *тоненько*, словно дитё (А. П. Чехов).

Знак оценки, «плюс» или «минус», формируется в наречии, как и в других случаях, с опорой на семантику производящего слова, однако гораздо большую роль играют элементы микротекста, который строится с помощью деминутива.

Средствами градации оценки могут стать наречия второй степени уменьшительности либо сочетание деминутива с наречиями степени, например:

Я *малёхонько*. *Малёхонько* я, Маша (М. Зощенко);

Платье очень *миленько* на ней сидит (РР).

Инстативы-деминутивы обычно тяготеют к сфере отрицательной оценки, например:

Для меня *дорогонько* (*дороговатенько*) (РР);

Зайдите месяца этак через два, через три ... *долгонько* (А. П. Чехов);

Ой, *тошнёхонько!* Зарезали меня, *подлецы* (М. Зощенко).

Как уже упоминалось, деминутивы часто сочетаются в тексте с лексемами глагольной «уменьшительной» лексики, например:

Пусть она не ведаёт тёткиных *коренчиков*, отцовского соуса «*катушками*», твоего «покушать» и *маменькиного лучшенького кусочка* (А. П. Чехов).

Имена существительные и имена прилагательные «увеличительной» части размерно-оценочной шкалы могут обозначать действительно размерно-количественные отношения, безотносительно к оценке либо с минимальным оценочным оттенком, например:

Грудница, словно у слона (А. П. Чехов);

Этакая *бочища*, пудов, может, на восемь. Вот такая *бочища!* (М. Зощенко);

Такой *большуций*, толстый, розовый *мальчуган!* (А. Аверченко).

Обычно в таких случаях знак оценки — «плюс», как бы восхищение размерностью выше средней нормы; показательно, что в последнем примере наблюдается согласование по количественной семантике имени прилагательного *большуций* и имени существительного *мальчуган*, причём имя существительное воспринимается как увеличительное к *мальчик* только контекстуально. Семантически с ними согласуется непроизводное имя прилагательное *толстый*, а элемент положительной оценки эксплицируется именем прилагательным *розовый*.

Сочетание имени прилагательного *большуций* с существительным с увеличительным суффиксом может быть чисто оценочным, например:

Из него со временем выработается *большуций писателище* (А. П. Чехов).

Закономерно, что реальные размерные отношения характерны для ПС, образованных от конкретных предметных имён существительных и обозначений лиц конкретной, не характеризующей семантики.

Абстрактные имена существительные, обозначения лиц по профессии, психическим свойствам и т.д. в «увеличительной форме»

предполагают иные типы оценочных отношений. Само сочетание *большуицый* + увеличительное существительное встречается очень редко.

В качестве квантификаторов увеличительности используются языковые средства иного рода, например:

Теснотица там *неимоверная* (периодика);

Был конец августа, и по городу слонялись *несметные толпица* туристов (И. Хмелевская);

Такая *скучица*, что и выразить тебе не могу! (А. П. Чехов);

Стеганул ливень, такой *дождина*, что и светофор не виден, сплошь мгла (В. Черняк).

Как видно из приведённых примеров, значение увеличительности со знаком «минус» подчёркнуто квантитативно-кваликативными именами прилагательными *неимоверные* и *несметные*, целыми синтаксическими построениями, синонимом *ливень*, описанием последствий интенсивности явления.

Примечательно, что местоимённое имя прилагательное *такой* используется в качестве интенсификатора и уменьшительной, и увеличительной частей шкалы.

Как уже отмечалось, выражение положительной оценки через ПС со значением увеличительности не исключено, но чаще такая оценка бывает отрицательной, например:

Как взглянет на меня своими *глазицами*, так меня и покоробит всего (А. П. Чехов);

Голодуха загнала их к музе, а не что-либо другое (А. П. Чехов);

Он *большуицый шарлатанице* (РР);

Он настоящий *бандюган* (РР);

У него вот такой *носяга* (РР);

Вот *нахалюга!* (РР).

Конечно, во многих случаях именно отрицательная оценочная семантика, уже заложенная в производном слове, диктует возможность образования от него «увеличительного» деривата, который лишь экспрессивно подчёркивает значение отрицательной оценки, однако во множестве других случаев выбор знака оценки является ситуативным.

Например, прилагательное *здоровенный* чаще используется как отрицательно-оценочное (*здоровенный дуб, здоровенный лоб, здоровенный кабан* — все в переносном значении), но в следующем примере оно явно выражает положительную оценку:

Вообще в Вашей книге Вы такой *здоровенный* художник, такая *силица*, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарезали бы другого художника, у Вас проходят незамеченными (А. П. Чехов).

Любопытным представляется образование превосходной степени от суффиксального прилагательного СК субъективной оценки, например:

Управляющий ..., *здоровеннейший* парень с обрюзглым, *испытым* лицом ..., уже пьян (А. П. Чехов).

Однако такое образование возможно только от имён прилагательных с суфф. *-енн-* и абсолютно исключено от имён прилагательных на *-ущ/-ющ-* (*вреднющий, злющий, толстущий* и под.)

Значение отрицательной оценки подобных имён прилагательных скорее является тенденцией, чем обязательным результатом: в другом микротексте оценка могла бы быть положительной. Конечно, значение отрицательной оценки от отрицательно-оценочных прилагательных (*злой, вредный, грязный* и под.) как бы предопределено.

Следует заметить, что прилагательные на -енн- образуются от более нейтральных в отношении оценки слов (здоровый, толстый, тяжёлый, широкий), суффикс лишь количественно модифицирует значение определённого признака, а знак оценки формируется в контексте.

Значение двух степеней оценки (злой — *злющий*, подлый — *подлющий*, хитрый — *хитрющий*) для отправителя речи часто оказывается недостаточным, тогда прибавляется третье звено: ужасно *злющий*, несказанно *подлющий*, страшно *хитрющий* и под.

В грамматической системе с этим сопоставимо усилительное значение превосходной степени, например:

Вообще в её теле есть недостаток, который я считаю *наиважнейшим*, — это полное отсутствие женственности (А. П. Чехов);

Костюм *свеженький*, прямо с *иглочки*, из французского трико, самый *наимоднейший*, облакал его большое тело (А. П. Чехов);

Но он ещё захотел непременно породниться с самой *древнейшей* аристократической фамилией, — у него мелькнула такая фантазия (М. Зощенко).

Как видно из приведённых примеров, средства усиления превосходной степени могут быть синтетическими (*наиважнейший*), аналитическими (самый *древнейший*) и комплексными, аналитико-синтетическими (самый *наимоднейший*).

По-видимому, выбор этих средств связан с установкой на более многочисленную, чем степени сравнения, оценочную шкалу, а не со стилистическими недочётами, как это иногда рассматривается.

Очевидно, в определённой мере это сопоставимо с созданием дополнительных делений количественно-оценочной шкалы в противоположном, «уменьшительном» направлении:

Вы мне можете быть полезным одним *малюсеньким ответиком* на вопрос: как вы хотите у нас застраховаться (А. Аверченко);

Носик, говорю, будто бы и мой, да *дырочки* в *носике* будто бы и не мои — *махонькие* очень *дырочки* (М. Зощенко);

Вместе с коляской пред ним пролетели все его заветные мечты, которыми он любил угощать себя ..., сидя ... в своём тщедушном *кабинетике* (А. П. Чехов).

Во всех трёх вышеприведённых примерах наблюдается эффект экспрессивно-смыслового согласования имён существительных и имён прилагательных, однако имя прилагательное *маленький* заменяется его дериватом — прилагательным второй степени уменьшительности *малюсенький*, сочетанием его просторечным дериватом *махонький* (в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова семантизируется как «Совсем небольшой, маленький») с наречием степени *очень*, и — самое оригинальное решение — именем прилагательным *тщедушный* в переносном значении.

Таким образом, и по отношению к степеням сравнения, и по отношению к словообразовательным дериватам наблюдается тенденция увеличить число делений количественно-оценочной шкалы, сделать эту шкалу более гибкой и дифференцированной.

Для достижения этой цели применяются изолированно или в различных комбинациях и собственно деривационные (преимущественно суффиксальные) средства, и семантика степеней сравнения, и явление экспрессивно-смыслового согласования, и сочетаемость с лексическими средствами выражения степени оценки.

Префиксальные производные СК субъективной оценки встречаются гораздо реже, чем суффиксальные, причём это чаще всего прилагательные с префиксом пре-, реже рас-, например:

А что Павел Михайлович? *Пресимпатичный* человек! (А. П. Чехов);

Из более правильных изречений мы можем привести слова нашего *пресветлого* поэта и философа Пушкина (М. Зощенко);

Владю всегда отличала быстрая реакция, так что уже через минуту за столом гремела и бушевала *расчудесная* ссора (И. Хмелевская).

Префикс пре- сочетается также с наречиями и инстативами, например:

Пребедно жил человек, а тут заболел ещё (М. Зощенко);

Поддакивала Гутюше, а сама думала, что мы *предосадно* бездействуем (И. Хмелевская);

Сейчас мне подавали жареную солонину; *преотвратительно* (А. П. Чехов).

Префиксальные прилагательные могут быть образованы и от форм синтетической превосходной степени, создавая дополнительные деления оценочной шкалы, например: Кама *прескучнейшая* река (А. П. Чехов);

Хлеб здесь пекут *превкуснейший* (А. П. Чехов).

В соответствии со спецификой префиксации данные производные более прозрачны по семантике, чем суффиксальные, они менее идиоматичны; их роль обычно сводится к усилению оценки, заложенной в производящем, поэтому такая оценка может быть как положительной, так и отрицательной.

Из способов градации оценки можно упомянуть сочетание префиксации с редупликацией основ, например:

А человек пущай *пребедный-бедный* будет (М. Зощенко).

В других случаях эффект усиления оценки создаётся сочетанием однокатегориальных префиксов или суффиксов, например:

А вот если бы ... случилось что-нибудь особенное, этакое ... *зашибательное*, что-нибудь *мерзейшее*, *распереподлое*, такое, чтоб черти с перепугу передохли, ну, тогда ожил бы я! (А. П. Чехов);

Для нас дороже матери ничего не существует в сем *разъехидственном* мире ... (А. П. Чехов);

Правда, существуют церковные старосты ..., но никакие старосты, хоть *разнаивлиятельнейшие* купцы, не имеют права и власти переводить *дьячка* с одного места на другое (А. П. Чехов).

Изредка встречаются предложения, в которых наблюдается экспрессивно-смысловое согласование префиксального производного с существительным-деминутивом, например:

Давеча вот Серёжка Петухов *презанятную историйку* рассказал (М. Зощенко);

Старикашка был *преленивым* субъектом (А. Аверченко).

Во втором примере обнаруживается ещё одна особенность экспрессивно-смыслового согласования: имя прилагательное, относящееся к группе предиката, грамматически согласовано не с деминутивом *старикашка*, а с существительным субъектом.

О возможности такого расхождения пишет В. В. Лопатин (10, 150).

Префиксальные производные СК субъективной оценки, семантически сближающиеся с синтетической формой превосходной степени, в тексте взаимодействуют и с этой формой, и с суффиксами субъективной оценки

(во внутрисловном контексте), а также с другими формами усиления оценки (синонимами, синтаксическими конструкциями и т.д.).

Например, вышеприведённое имя прилагательное *распереподлое* семантически поддержано лексемами особенное, этакое, зашибательное, мерзейшее, а также синтаксической конструкцией чтоб черти с испугу передохли.

Прилагательное *разнаивлиятельнейший* включает две усилительные приставки и оформлено как синтетическая форма превосходной степени.

Заключение

Таким образом, деминутивным и увеличительным образованиям принадлежит одно из ведущих мест в построении текста в плане выражения тонких и сложных коннотаций, открытом или завуалированном выражении прагматических установок отправителя речи. Мотивами использования описываемых классов производных, в том числе и окказиональных, может быть установка на экспрессивное, нестандартное выражение содержания.

Кроме того, наблюдается своеобразная проекция СК «субъективная оценка» на глаголы и незначительные слова (*подрастунюшки, потягушечки, нетушки, спасибочки, спасибоще, чтоличка* и под.).

Круг производящих данной СК в разговорной речи, периодике, художественной литературе расширяется (*сегоднячко, кукурлик, на посылушках* и под.).

К тому же тяготение к активному использованию «уменьшительной» и «увеличительной» лексики может быть признаком идиостиля определённого автора либо определённого периода его творчества, а также особенностей речи индивидов, социальных групп и т.д.

Теоретическая значимость данного исследования связана с перспективой применения данной модели описания к другим участкам словообразовательной системы русского языка, а также при типологическом исследовании словообразовательных систем разноструктурных языков, прежде всего русского и узбекского, русского и английского.

Использованная литература

1. Виноградова В. Н. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / В. Н. Виноградова, Т. Г. Винокур, Л. И. Еремина и др. — М.: Наука, 1987. — 228 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
3. Гухман М. М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология // ВЯ. — 1985. — № 3. — С. 3–13.
4. Дегтярёв В. И. Категория числа в славянских языках: (Ист.-семант. исследование) / Отв. ред. Ф. П. Филин. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1982. — 320 с.
5. Ефимов В. И. Определение качества и количества как системы дефиниций. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1973. — 96 с.
6. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1987. — 238 с.
7. Ильин В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества. — М.: Высшая школа, 1972. — 96 с.
8. Категория количества в современных европейских языках. — Киев: Наукова думка, 1990. — 281 с.

9. Ким О. М. Язык «в действии» и семантика // Исследования по семантике. — Уфа, 1990. — С. 7—13.
10. Лопатин В. В. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах: Виноградовские чтения. — Вып. XIV–XV. — М.: Наука, 1987. — С. 143–161.
11. Полянский А. Н. План содержания категории количества в русском языке // НДВШ. Филологические науки. — № 1. — 1984. — С. 34–41.
12. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. — М.: Наука, 1980. — 294 с.
13. Тимофеев И. С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». — М.: Наука, 1972. — 216 с.
14. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. — М.: Русский язык, 1985.
15. Урисбаева Г. Т. Производные слова в синтаксической и прагматической функции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — Т., 1998. — 26 с.
16. Халикова М. И. Типы семантического взаимодействия глаголов количественных способов действия с элементами контекста в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. — Т., 1997. — 21 с.
17. Химик В. В. Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. Лингв. сб. — Вып. № 9. — М., 1977. — С. 125–130.
18. Чиркинян Н. С. О некоторых способах выражения количественности в русском языке в сопоставлении с армянским // Русский язык и методика его преподавания в Арм. ССР. — Вып. 1. — Ереван, 1977.
19. Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. — Киев: Вища школа, 1981. — 143 с.
20. Шляхтенко С. Г. Категории качества и количества. — Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968. — 144 с.

References

1. Vinogradova V. N. *Stilistika russkogo yazyka: Zhanrovo-kommunikativnyi aspekt stilistiki teksta* (Stylistics of the Russian language: Genre-communicative aspect of the stylistics of the text), Moscow: Nauka, 1987, 228 p.
2. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* (Functional Semantics of Evaluation), Moscow: Nauka, 1985, 228 p.
3. Gukhman M. M. *Voprosy yazykoznaniya*, 1985, No. 3, pp. 3–13.
4. Degtyarev V. I. *Kategoriya chisla v slavyanskikh yazykakh* (Number category in Slavic languages), Rostov-na-Donu, 1982, 320 p.
5. Efimov V. I. *Opredelenie kachestva i kolichestva kak sistemy definitsii* (Determination of quality and quantity as a system of definition), Rostov-na-Donu, 1973, 96 p.
6. Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* (Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems), Moscow: Russkii yazyk, 1987, 238 p.

7. Il'in V. V. *Ontologicheskie i gnoseologicheskie funktsii kategorii kachestva i kolichestva* (Ontological and epistemological functions of the category of quality and quantity), Moscow: Vysshaya shkola, 1972, 96 p.
8. *Kategoriya kolichestva v sovremennykh evropeiskikh yazykakh* (Quantity category in modern European languages), Kiev: Naukova dumka, 1990, 281 p.
9. Kim O. M. *Issledovaniya po semantike*, Ufa, 1990, pp. 7-13.
10. Lopatin V. V. *Russkii yazyk. Yazykovye znacheniya v funktsional'nom i esteticheskom aspektakh* (Russian language. Linguistic meanings in functional and aesthetic aspects): Vinogradovskie chteniya, ussue XIV–XV, Moscow: Nauka, 1987, pp. 143–161.
11. Polyanskii A. N. NDVSh. *Filologicheskie nauki*, No. 1, 1984, pp. 34–41.
12. Soboleva P. A. *Slovoobrazovatel'naya polisemiya i omonimiya* (Word-formation polysemy and homonymy), Moscow: Nauka, 1980, 294 p.
13. Timofeev I. S. *Metodologicheskoe znachenie kategorii "kachestvo" i "kolichestvo"* (Methodological meaning of the category "quality" and "quantity"), Moscow: Nauka, 1972, 216 p.
14. Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* (Word-formation dictionary of the Russian language), in two vol., Moscow: Russkii yazyk, 1985.
15. Urisbaeva G. T. *Proizvodnye slova v sintaksicheskoi i pragmaticheskoi funktsii v sovremennom russkom yazyke* (Derivative words in syntactic and pragmatic functions in modern Russian), extended abstract of candidate's thesis, Tashkent, 1998, 26 p.
16. Khalikova M. I. *Tipy semanticheskogo vzaimodeistviya glagolov kolichestvennykh sposobov deistviya s elementami konteksta v sovremennom russkom yazyke* (Types of semantic interaction of verbs of quantitative modes of action with elements of context in modern Russian), extended abstract of candidate's thesis, Tashkent, 1997, 21 p.
17. Khimik V. V. *Problemy leksikologii i semasiologii russkogo yazyka. Lingvisticheskii sbornik* (Problems of lexicology and semasiology of the Russian language. Linguistic collection), ussue No. 9, Moscow, 1977, pp. 125–130.
18. Chirkinyan N. S. *Russkii yazyk i metodika ego prepodavaniya v Armyanskoi SSR* (Russian language and methods of teaching it in the Armenian SSR), ussue 1, Erevan, 1977.
19. Shvachko S. A. *Yazykovye sredstva vyrazheniya kolichestva v sovremennom angliiskom, russkom i ukrainskom yazykakh* (Linguistic means of expressing quantity in modern English, Russian and Ukrainian languages), Kiev: Vishcha shkola, 1981, 143 p.
20. Shlyakhtenko S. G. *Kategorii kachestva i kolichestva* (Quality and quantity categories), Leningrad, 1968, 144 p.